Трапеза

Как сегодня все молча, неспешно и робко
Без молитвы семейной, не морщась, едят.
И какая же страшная эта похлёбка!
И в окно улетает мой горестный взгляд.

И смотрю я на мать, на отца и на брата,
И ловлю несмышлёные взгляды сестёр,
И похлёбка моя солона, мутновата,
И в ней плавают смерть, пустота и позор.

Мы едим, и едим, и не просим добавки,
И грызёт моё сердце уродливый жор.
И вдали за рекой золочёные главки
Покрывает на годы кровавый костёр.

Не забыть никогда под лампадой обеда,
И до смертного дня уж не буду я сыт.
Богородица Дева, меня, людоеда,
Знаю я, Господь Бог уже вряд ли простит.

• • •

Фёдору Николаевичу Глинке

Мощны, дремучи, непрерывны
Господствуют вокруг леса.
Ветра им складывают гимны,
В них слёзы прячут небеса.

Луна и солнце в карауле
При столкновении эпох
Туманы сонные раздули,
Храня всё то, что создал Бог.

И мрак просторами низвергнут,
И над неравенством чащоб
Кружит апостол воли — беркут,
Знаток славянских древних троп.

И дух Смоленщины пасхален,
И время в просеки вросло,
И в просвещённости прогалин
Взмолился холод на тепло.

• • •

Махнул, не глядя, дед часы «Буре»
На «Ланг унд Зёне» с римским циферблатом,
И было это в знойном сорок пятом
Под Ельней на просёлочном дворе.

Держал он путь в смоленское село,
И подгоняли в дом родной минуты,
И механизм, сработанный в Гласхютте,
Переменил июльское число.

Калило всё вокруг рябое солнце,
Секунды счастья считывал трофей,
Добытый у эссесовца саксонца
В боях под Прагой в огневице дней.

И всю дорогу он мечтал, что снова
Увидит сквозь туман берег Десны,
И дом, и сад, где он оставил сны.
Но дед не знал, что выжжено Дуброво.

• • •

Сам себе приказал: зубы стисни,
Пусть весь мир на мгновенья замрёт,
Вздрогнет смерть от сияющей жизни,
Что о всех знает всё наперёд.

Я её расспрошу всё о прошлом,
О непреданных гласу грехах.
Пусть к моим прилипает подошвам
Всех казнённых замоленный страх.

И пойду я в дождливых наветах
К пепелищам поруганных сёл,
Где творили в кровавых комбедах
Над крестьянской землёй произвол.

Будет воздух в дороге псалтырен.
Будет ветер шептать, словно чтец,
Будет петь поминальную сирин,
Вознося горечь русских сердец.

Как от ветки еловой царапина
Среди брошенных временем сёл—
Так задело с названием Лапино,
Что в него без оглядки зашёл.

Здесь прабабушку сватал мой прадед,
Мчалась звонкая тройка гнедых,
А теперь запах плесени садит
Из пустот, навсегда неживых.

Повстречался мне бедственный тополь,
Он, как зек, суховат и матёр,
Его ствол—позабытый некрополь
С именами Орловских сестёр.

Что ты жалостно смотришь, халуга?
Я к тебе волей прадеда зван.
Так давай же обнимем друг друга
Под вселенские взгляды сельчан.

Мне хлестали дожди правду жизни не раз
Сквозь туманы, чей запах был горек,
Но не верил я в неба унылый показ,
Шёл на свет, как за правдой историк.

И слезливые тайны некошеных трав,
Что изрезаны вдоль редколесьем,
Мне шептали о том, что искатель был прав
И что все мы с рождения грезим.

И я шёл напролом по неровностям луж,
Не терпел сам к себе оговорок,
И меня осуждала пытливая глушь
Под присмотром волков и тетёрок.

И когда в захолустье я сделал привал,
Мне открылись холодные звёзды.
И одну я всю ночь напролёт согревал,
И воспели любовь алконосты.